

Сто лет коров доили...

Мож. новати. — 1992. — 20 дек. А.Ф.

Во мне — раздел Художественного театра. Не раздел, а разлом, разрыв, произведенный «в порядке эксперимента» (как вся наша история) при непосредственном участии Политбюро, Правительства Советского Союза и других не менее важных Органов клонившейся к упадку империи. Раздел этот прошел по жизни крупнейшей актеров, режиссеров, по всему телу нашей культуры. Полостная операция, оставившая безобразный шрам, не разглаженный временем.

Пять лет, протекших с той поры, изменили зрение. Вновь проявилось скрытое предназначение Художественного театра, который генетически был заряжен на то, чтобы быть зеркалом страны. Основатель МХТ не зря переживал судьбу своего дитища мистически: судьба России для него каким-то самым коротким образом связывалась с предназначением его театра. Кто не верит, перечитайте «Записки покойника».

Помимо всего прочего, Булгаков необыкновенно тонко передал эту моделирующую особенность «Независимого театра»: под его пером он оказался изумительным сколком государства, застигнутого в самый пик восторженной чумы.

Не думаю, чтобы Олег Ефремов или кто-нибудь из нас ясно понимал последствия того, что тогда происходило. Руководитель МХАТа, подобно другому перестройщику, хотел только улучшить систему, отделиться от скверны и безобразия, начать жить на каких-то человеческих началах. Готов свидетельствовать об этом перед любым конституционным судом. Это была последняя попытка в цепи других безнадежных попыток по реанимации МХАТа, которые затевались Ефремовым в течение пятнадцати лет. Теперь и тут хорошо виден синхрон: совершенствование театра напоминало аналогичные меры по совершенствованию режима. Неоперабельный театр зеркально отражал неоперабельную систему.

В 1987 году мхатовский развод выглядел грандиозным спектаклем-скандалом в духе Достоевского. «Заголились». Через пять лет с полной ясностью обозначился скрытый смысл того, что произошло. Раскол МХАТа был первой судорогой перестройки, предвестием развала страны, ее быстрого, грубого и хищного расчленения. МХАТ СССР делил здания, звания, ор-

дена, костюмы, имена драматургов-классиков, «Синюю птицу», гаражи, мизансцены Станиславского. На волю вырвалась разрушительная энергия, которую уместно было бы сравнить с черновильской.

Эти события и произошли почти одновременно. Несоизмеримые по масштабу и трагизму, они вполне соизмеримы по историческому смыслу. И то, и другое было своего рода предзнаменованием, которое мы тогда не разгадали. Расщепление «ядра» театра пошло стихийно, началась неуправляемая реакция. Раз разделившись, начали раскалываться дальше. Собирались по природе, Ефремов остался «наедине со всеми», покинутый многими лучшими своими актерами. В середине седьмого десятка этот поседевший Треплев опять твердит о новом театре, который надо, надо создать, о невозможности жить и работать в тех формах, в которых привыкли работать столько лет. Укатали сивку крутые горки.

Что происходит на Тверском, судить не берусь. Что творится сейчас в четвертом энергоблоке Чернобыльской станции? Но там хоть есть саркофаг, датчики, а здесь открытое пространство, опасное для жизни. Финальный выброс злобной энергии — «Батум». Дело ведь не в том, что родился монстр, который прожил всего несколько дней. Важно то, что он появился на свет именно в колбе Художественного театра как одно из побочных следствий Раздела. Хотели поставить эту пьесу во МХАТе к 60-летию вождя народов, а поставили к собственному столетию. Как сказал бы тот, чье имя носит «МХАТ России»: «Сто лет коров доили, вот вам сливки».

В список национальных ценностей МХАТ не попал. Театр, который когда-то сравнивали с колокольной Ивана Великого, наказан. Безымянный чиновник, который вычеркнул МХАТ из «списка благодетелей», составленного для новой власти, оказался непостижимо мудр. Колокольно он как бы не заметил. Да и то сказать, включая в «ценности» — и начнется выясняловка, чей колокол громче, а звон гуще. И вообще — уступите женщине. Мудрый чиновный змей выбросил оба МХАТа. Подумаетесь, МХАТом больше, МХАТом меньше, страны уж той нет, приложением к которой был этот «МХАТ СССР».

ВО МНЕ

Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ,

обозреватель «МН»

Признаюсь, в душе я обрадовался. Хороший знак посылает судьба. Эксперимент завершен, на кухне вымыты тарелки, государственную ласку больше выдавать не будут. Может быть, теперь, наедине с самим собой, театр обретет достоинство? Ведь в конце концов, Московский Художественный театр — это не здание, не ордена, не колокольня Ивана Великого. Это всего лишь идея о том, как существовать в искусстве. И когда несколько дней назад я увидел Ефремова, Смоктуновского и Любшина в новом спектакле, где они играют великих музыкантов, острое чувство стыда, преследующее последние годы, чуть притупилось. Может быть, и надо было разделиться, чтобы так играть. Не про Баха и Генделя. Про всех нас, про то, что прожито, и про то, что маячит впереди.

Легкого решения проблемы двух МХАТов сейчас нет. Невозможно закрыть один из них, как невозможно ликвидировать съезд. «МХАТ имени Чехова» и «МХАТ России» им. Горького» выражают что-то важное именно в том своем кризисном состоянии, в каком они оба сейчас находятся. В этой нелепости, если хотите, абсурдности — разные лики нынешней России, ее расколотый двоящийся образ. Театры эти стоят друг против друга, как две шеренги демонстрантов стоят у Кремля с красными флагами и с триколорами. Будущее этих двух театров так же неопределенно, как и общее наше будущее. Так уж заведено с этим МХАТом: скажи, что творится в нем, и я скажу тебе, что — в стране.